

УДК 903.5

В.В. Ткачев

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета
пр. Мира, 15А, Орск, 462403, Россия
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

В статье вводится в научный оборот уникальный погребально-культовый комплекс алакульской культуры, находящийся на северной периферии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра позднего бронзового века. Памятник включен в структуру Ишкининского археологического микрорайона, приуроченного к группе геоархеологических производственных объектов, представленных горными выработками на площади медного месторождения, начало эксплуатации которого относится к эпохе палеометалла. Присутствие в составе комплекса каменного антропоморфного изваяния и орудий votивного характера позволяет рассматривать курган-святилище как объект, маркирующий родовую территорию, а также важный культовый центр палеопопуляции, специализировавшейся на горно-металлургическом производстве.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, Ишкининский археологический микрорайон, погребальная обрядность, антропоморфная стела, votивные орудия, производственная специализация.

Введение

В настоящее время количество исследованных погребальных, бытовых и производственных памятников (поселения, могильники, горные выработки, обогатительные площадки и пр.) алакульской культуры эпохи поздней бронзы исчисляется тысячами. На этом фоне весьма показательно незначительное количество объектов культового характера. Исключение составляют лишь немногочисленные святилища с петроглифами, определение культурной принадлежности и хронологической позиции которых зачастую является непростой задачей. Для западного фланга андроновской культурно-исторической общности этот вопрос особенно актуален, поскольку такого рода культовых объектов в регионе немного, а в их изучении делаются первые шаги. Лишь в последнее время появились лаконичные сообщения о петроглифах в Мугоджарах [Деревянко и др., 2001; Самашев, 2006, с. 32, рис. 1–3; Онгар и др., 2009; Коробков и др., 2010, с. 191–192, 322, 323, рис. 221, 223, 446].

Между тем облик материальной культуры населения Урало-Казахстанского региона в позднем бронзовом веке свидетельствует о том, что уровень развития религиозных представлений, вероятно, был достаточно высоким. На развитой стадии алакульской культуры мы имеем дело с унификацией ее основных элементов, в частности, системы погребальной обрядности, в которой строго канонизируются все этапы погребально-поминальных церемоний. Поэтому необходимо обратить более пристальное внимание в структуре некрополей на объекты, демонстрирующие отклонение от строго регламентированных стереотипов устройства погребальных комплексов. Один из таких объектов был исследован мною на северной периферии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы в ходе комплексного изучения Ишкининского археологического микрорайона, приуроченного к медным рудникам, эксплуатация которых началась в бронзовом веке [Ткачев, 2005, 2009, 2010а].

Географическая локализация и топографическая приуроченность

Могильник Ишкиновка III расположен на правом коренном берегу и первой надпойменной террасе р. Сухая Губерля, в 8,5 км к северо-северо-востоку от пос. Ишкинино, в 7,2 км к западу от пос. Поповка, в 8,8 км к юго-западу от пос. Писаревка, в 10,8 км к северо-западу от г. Гая Оренбургской обл. Российской Федерации. Большинство погребальных конструкций разрушено в ходе многолетней интенсивной распашки. По линии ССЗ–ЮЮВ могильник пересекает нефтепровод «Салават–Орск», частично нарушивший насыпь самого крупного кургана (рис. 1, 1). Могильник был выявлен мною в ходе экспедиции в Ишкининском археологическом микрорайоне в 1998 г. Памятник состоит из 15 объектов, локализующихся двумя группами. Основная масса сооружений (№ 1–11) вытянута цепочкой по линии ЮЗ–СВ на коренном берегу вдоль русла р. Сухая Губерля. Они представляли собой типичные для эпохи бронзы в данном районе земляные курганы высотой 0,1–1,3 м, диаметром от 8 до 28 м, на поверхности которых прослеживаются каменные плиты, использовавшиеся для перекрытий могильных ям. Вторая группа демонстрирует другую топографическую приуроченность, в большей мере характерную для раннего железного века. Она состоит из четырех объектов (№ 12–15) – земляной насыпи, каменной выкладки овальной формы (возможно, казахский мазар, относящийся к этнографической современности) и двух каменно-земляных курганов – и располагается на краю первой надпойменной террасы. Здесь же найдена каменная стела высотой ок. 2 м. Для определения культурно-хронологической позиции погребальных сооружений были раскопаны курганы 1 и 3, первый из которых является предметом обсуждения в настоящей работе.

Материалы археологических раскопок

Кург. 1 находился в восточной части могильника и являлся самым крупным. Земляная насыпь полусферической формы с уплощенной вершиной диаметром 28 м по северному склону имела высоту 1,30 м, а по южному – 1,09 м. У подножия кургана прослежено незначительное понижение до –0,15 м от уровня горизонта, маркирующее кольцевой ров шириной от 3,5 до 5 м. Юго-западная полая насыпи и участок рва разрушены нефтепроводом «Салават–Орск» (рис. 1, 1).

Кург. 1 раскапывался вручную методом кольцевых траншей. Для получения стратиграфических данных были оставлены две перпендикулярные бровки шириной 0,6 м, ориентированные по сторонам света. В процессе снятия насыпи в верхних горизонтах

ее центральной части расчищены крупные каменные плиты с нивелировочными отметками от –0,28 до –0,50 м от нулевого репера, за который принят условный центр кургана. Эти плиты не образовывали сколько-нибудь строгой конструкции. Лишь в юго-западном секторе зафиксирован участок регулярной каменной кладки протяженностью ок. 2,7 м, шириной от 0,5 до 1,0 м и ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Крупная каменная плита обнаружена также в юго-западном секторе периферийной части раскопа в 9,0 м к западу и в 8,5 м к югу от условного центра (рис. 1, 1). В ходе раскопок в насыпи кургана найдены остатки жертвоприношений в виде костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота, а также многочисленные фрагменты керамики (рис. 1, 2–15).

В профилях бровок и планиграфически в процессе снятия насыпи прослежены следующие стратиграфические напластования (рис. 1, 1):

1) гумус, мощность которого в центре составляла 10–12 см, у подошвы – до 40 см;

2) насыпь мощностью до 95 см в центральной части, представлявшая собой гумусированный грунт серого цвета с включениями желтого материкового суглинка;

3) могильный выкид из основного погр. 4 – материковый суглинок желтого цвета с включениями серого гумусированного грунта мощностью до 0,3 м лежал на погребенной почве в виде «подковы» концами на запад, окаймлявшей центральную могилу;

4) погребенная почва – слой серой супеси мощностью 18–20 см, на периферии подкурганной площадки прорезанный ровиком;

5) материк – суглинок желтого цвета с включениями щебня, у подошвы прорезан ровиком на 0,2 м.

В ходе раскопок кургана выявлены четыре погребения, три из которых располагались на периферии насыпи, сооруженной над центральным захоронением (рис. 1, 1).

Погр. 1 (впускное) располагалось в восточной поле кургана в юго-западном секторе на границе центрального и периферийного участков раскопа в 7 м к востоку и 1 м к югу от условного центра (рис. 1, 1). Контуры могильной ямы проследить не удалось, поскольку она прорезала лишь слой насыпи и незначительно была углублена в погребенную почву, не доходя 10–12 см до уровня материка. На глубине 1,12 м от нулевого репера лежал скелет взрослого человека, захороненного в скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ. Погребение нарушено в результате деятельности землеройных животных. Сохранность костяка очень плохая: отсутствуют кости стоп, верхних конечностей, практически весь средний отдел скелета, включая позвоночник, ребра, лопатки, ключицы и др. Судя по расположению фаланг пальцев, кисти погребенного находились перед лицом (рис. 2, 1). За-

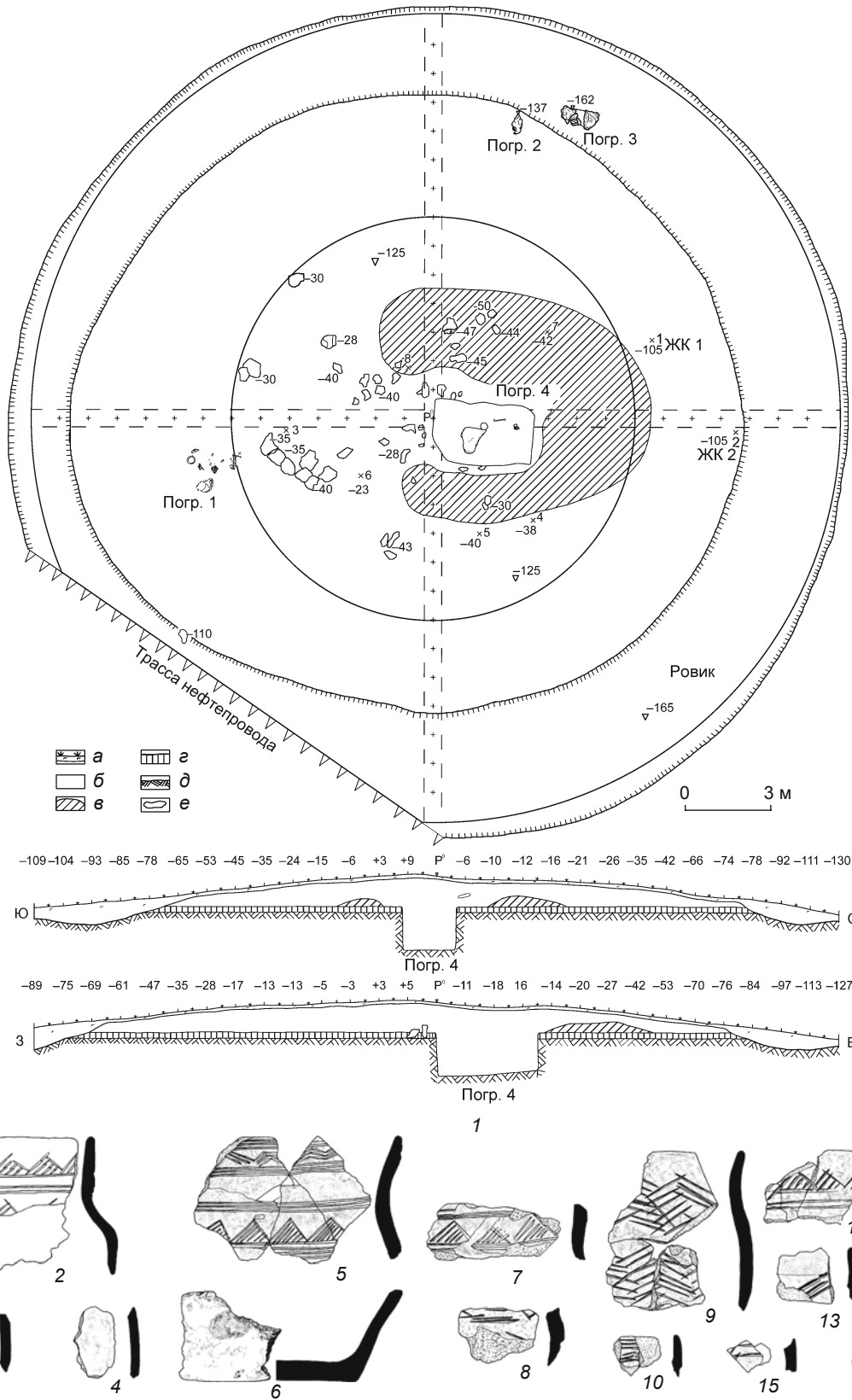

Рис. 1. План и разрезы (1) кург. 1 могильника Ишкиновка III, керамика из насыпи (2-15).
 а – гумус; б – насыпь (гумусированный грунт серого цвета с включениями желтого материкового суглинка); в – могильный выкид (материковый суглинок желтого цвета с включениями серого гумусированного грунта); г – погребенная почва (гумус серого цвета); д – материк (суглинок желтого цвета с включениями щебня); е – камни.

хоронение сопровождали остатки жертвоприношения в виде ребер овцы, а также достаточно разнообразный и многочисленный инвентарь, обнаруженный на костяке и в изголовье: два глиняных сосуда; фрагменты бронзового желобчатого браслета; две обернутые золотой фольгой бронзовые височные желобчатые подвески в полтора оборота, вытянутой в плане формы, украшенные горизонтальными линиями, выполненными в технике чеканки; кремневая ножевидная пластина; фаянсовые цилиндрические бусы, пронизь и бисер; обломок каменной терочной плиты; бронзовые скобы для ремонта сосуда (рис. 2, 2–13; 3, 6–10).

Погр. 2 (впускное) размещалось в северной поле кургана в северо-восточном секторе периферийной части раскопа в 10,0 м к северу и в 2,7 м к востоку от условного центра. На этом участке на глубине 1,2 м от нулевой отметки была расчищена каменная плита размерами 0,65×0,35 м (см. рис. 1, 1), вероятно являвшаяся перекрытием впускной могильной ямы, стенки которой проследить не удалось. Под плитой на глубине 1,37 м от нулевого репера обнаружены глиняный сосуд и фрагмент еще одного (рис. 4, 3, 4). По всей видимости, это было погребение младенца, кости которого не сохранились.

Погр. 3 (впускное) располагалось в северной поле кургана в северо-восточном секторе периферийной

части раскопа в 10,6 м к северу и в 4,5 м к востоку от условного центра, в 1,5 м к востоку от погр. 2 (см. рис. 1, 1). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы со скругленными углами имела размеры 1,18×0,47 м и была ориентирована длинными сторонами по линии ВЮВ–ЗСЗ. Ее перекрывали массивные каменные плиты, имевшие наклон в среднюю часть могилы. Это, вероятно, обусловлено тем, что плиты перекрытия провалились по центру в яму в ходе разрушения погребального сооружения (см. рис. 4, 1). На дне могилы на глубине 1,84 м от нулевого репера у западной торцевой стенки стоял сосуд (см. рис. 4, 2), рядом с которым обнаружен молочный зуб ребенка. По-видимому, здесь был похоронен младенец, ориентированный головой на запад, о чем свидетельствует локализация погребального инвентаря и молочного зуба.

Погр. 4 (основное) находилось в центре кургана с небольшим смещением к востоку (см. рис. 1, 1). В процессе снятия насыпи установлено: выкид из этой могилы лежал в виде «подковы» шириной от 1,5 до 3,7 м вокруг ямы, кроме западного направления, что отчетливо фиксировалось по профилям бровок (см. рис. 1, 1). Яма была выкопана с уровня погребенной почвы. Она имела прямоугольную форму со скругленными углами, широтную ориентировку и раз-

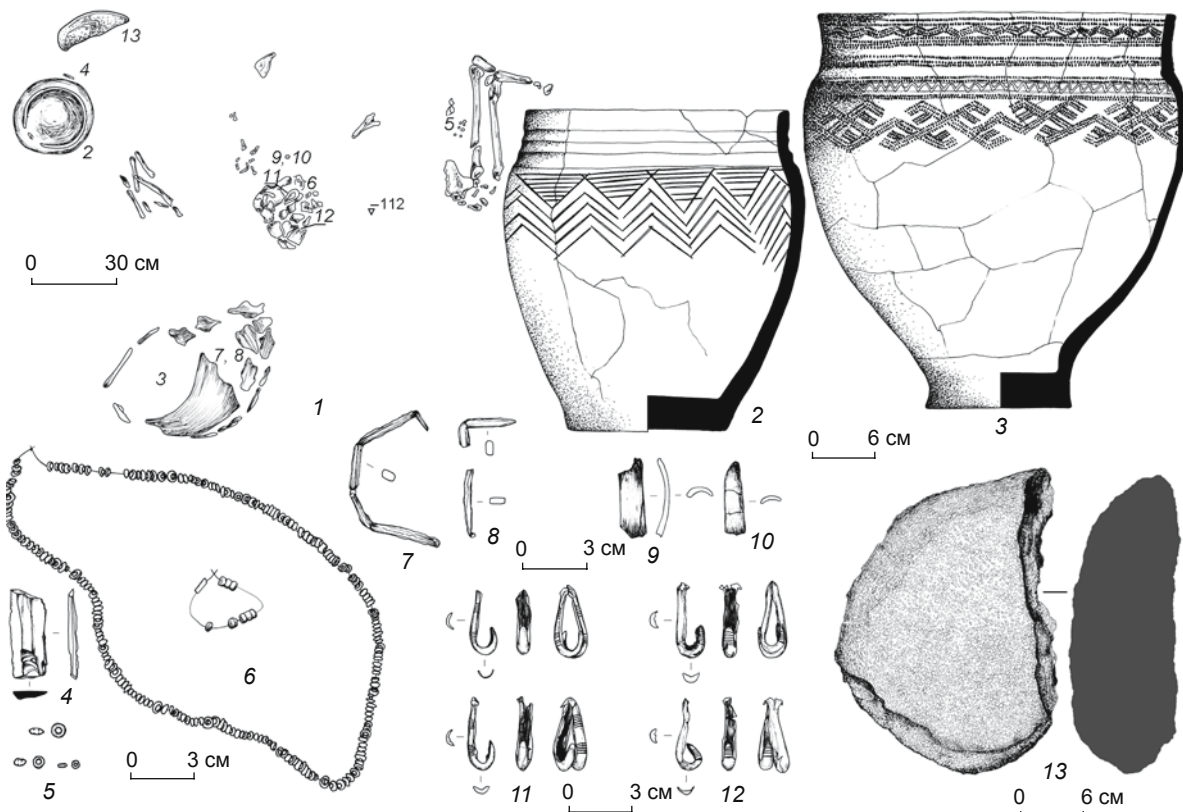

Рис. 2. План погр. 1 (1) и инвентарь (2–13) из него.
2, 3 – керамика; 4, 13 – камень, 5, 6 – фаянс; 7–10 – бронза; 11, 12 – золото.

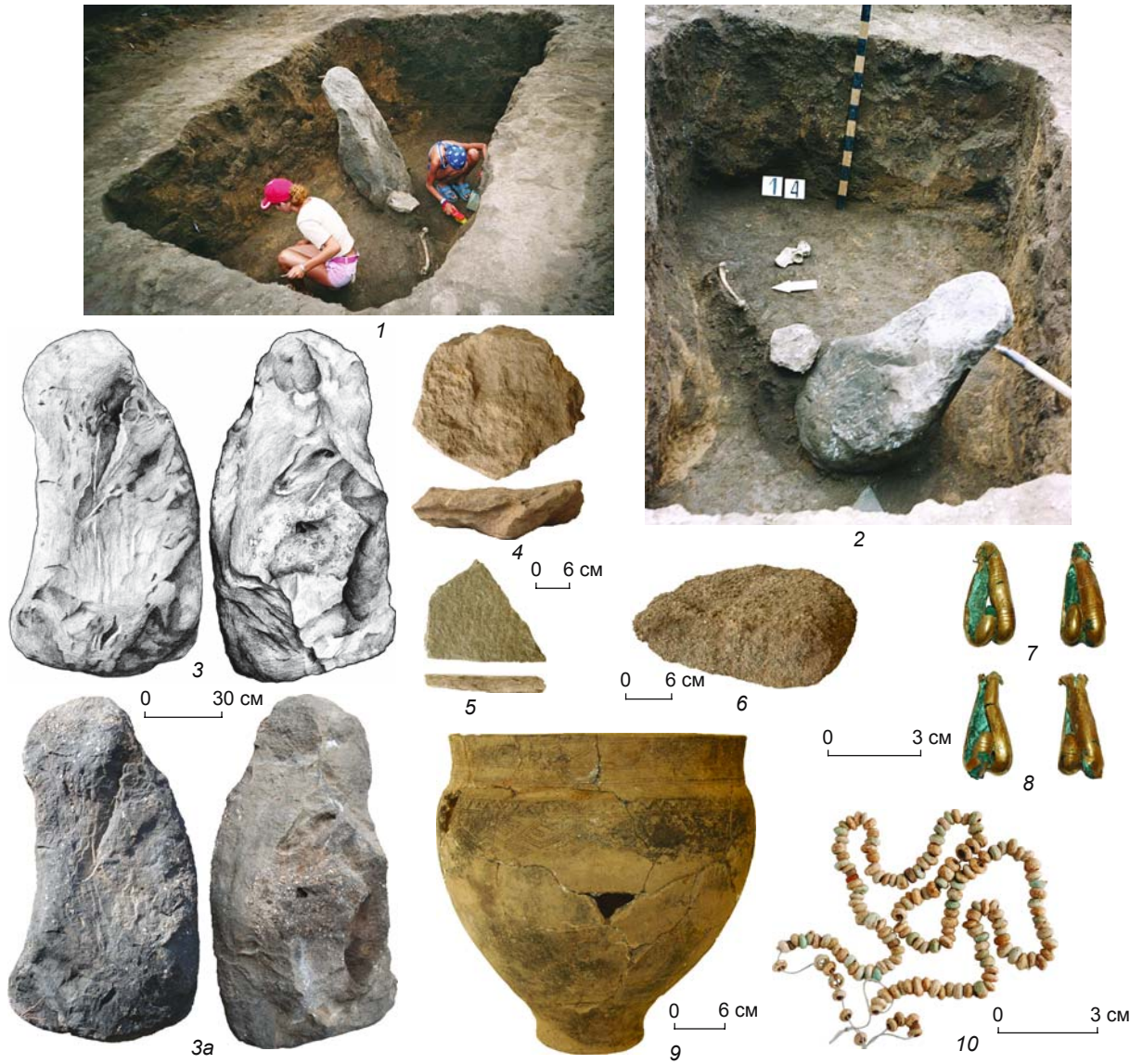

Рис. 3. Расчистка погр. 4 (1, 2), антропоморфное изваяние (3) и votивные терочные плиты-ступки из этого погребения (4, 5); инвентарь из погр. 1 (6–10).

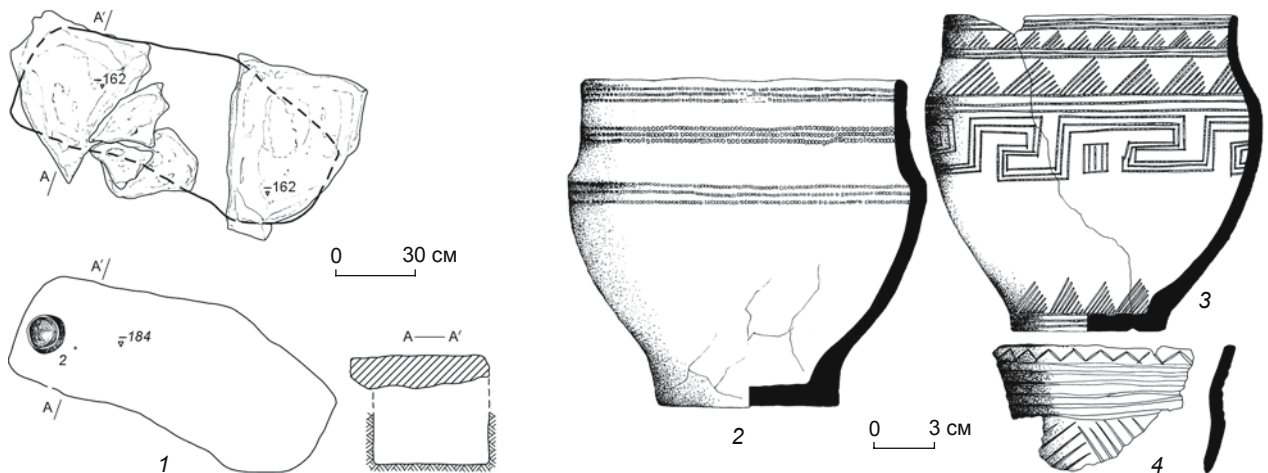

Рис. 4. План и разрез погр. 3 (1), керамика из погр. 3 (2) и 2 (3, 4).

меры 3,5×2,2 м. В заполнении могилы в восточной ее половине на глубине 2,35 м от нулевого репера (–1,3 м от уровня погребенной почвы) обнаружены переотложенные кости взрослого человека: бедренная, тазовая и крестец. Стенки и дно могильной ямы были сильно нарушены деятельностью сурчиной колонии. На глубине 2,55 м от нулевой отметки (–1,5 м от уровня погребенной почвы) в центре могилы с небольшим смещением к юго-западному углу вертикально была установлена массивная каменная антропоморфная стела (см. рис. 3, 1, 2), сохранившая первоначальное положение. Она была повернута лицевой стороной на север. Морфология изваяния определялась характером исходной заготовки. С тыльной стороны было сделано несколько крупных сколов, которые оформили общие контуры стелы и придали грацильность ее верхней части, сохранив массивность основания. На лицевой стороне серией целенаправленных ударов была создана «личина» правильной округлой формы. Ее поверхность заполирована. Едва намечены плечи, остальные признаки антропоморфности отсутствуют. В целом изваяние изготовлено достаточно грубо, трактовка антропоморфных черт весьма условна. Изделие создает впечатление неразвитости камнерезных традиций и изобразительных приемов. Высота стелы 130 см, ширина основания 73, «головы» 44 см, толщина у основания 30 см, наибольшая в средней части 45, в районе «головы» 20 см (см. рис. 3, 3).

У подножия антропоморфного изваяния обнаружены две каменные плиты, напоминающие терочки или жертвенники (см. рис. 3, 1, 2). Одна из них имеет трапециевидную форму, размеры 20×17 см, толщину 3 см (см. рис. 3, 5). Другая плита более массивная, 29×25 см, толщиной 7 см. Она имеет округлые очертания за счет грубых сколов по периметру заготовки (см. рис. 3, 4). На обоих предметах отсутствуют следы эксплуатации, что предполагает вотивную функцию изделий.

Обсуждение и выводы

Культурно-хронологическая позиция данной группы погребальных комплексов определяется достаточно уверенно. Особенности надмогильных сооружений и внутримогильных конструкций, планиграфическое распределение могил на подкурганной площадке, характер ингумации и ориентировка погребенных демонстрируют полное соответствие канонам погребального обряда алакульской культуры. В равной мере это справедливо в отношении металлических, каменных и костяных изделий, украшений, в т.ч. способов их использования в традиционном костюме.

То же самое можно сказать о диагностирующих признаках самой массовой категории находок – кера-

мики. Морфологические характеристики и орнаментация основной части коллекции отвечают стандартам алакульского гончарства. Это касается прежде всего сосудов с уступчатым плечом, в декоре которых господствуют геометрические фигуры, выполненные по прямой сетке прочерчиванием и оттисками гребенчатого и гладкого штампов, ямочные вдавления различной конфигурации. Особенно показательна специфическая зональность, предполагающая наличие свободной от орнамента зоны в нижней части шейки (см. рис. 1, 2, 5; 2, 2, 3; 3, 6; 4, 2). Однако отличительной особенностью ишкининской керамики является присутствие признаков керамических традиций федоровской и срубной культур. К числу первых следует отнести наличие сосудов с характерным плавным профилем, поддонов у некоторых горшков, сплошной орнаментации, нанесение геометрических фигур по косой сетке, использование гребенчатого штампа. Признаки традиций срубной культуры – ребристый профиль (см. рис. 4, 3) и некоторая асимметричность ряда сосудов, присутствие типичных горшечно-баночных форм, «расчесов» на внешней поверхности, грубо нанесенного размашистого геометрического орнамента, неорнаментированных емкостей. Справедливости ради следует сделать оговорку, что на фоне общей выборки керамики из 40 погребений, исследованных в трех некрополях в окрестностях пос. Ишкинино, небольшая группа сосудов из публикуемого комплекса в наименьшей степени демонстрирует наличие инкультурных элементов.

Материалы позднего бронзового века наиболее близки к кожумбердынской культурной группе, относящейся к алакульской линии развития, но органично вобравшей в себя федоровские компоненты [Кузьмина, 1994, с. 46–47; 2008, с. 250–268]. Ареал ее распространения охватывает обширные пространства Уральско-Мугоджарского региона. Однако, располагаясь на северной периферии этого ареала, памятники Ишкининского археологического микрорайона демонстрируют присутствие в погребальном обряде и материальном комплексе признаков, типичных для синкретической группы памятников магнитогорского варианта алакульской культуры, локализующегося в верховьях р. Урала. Его специфику определяют проявления воздействия со стороны срубной культуры [Кузьмина, 2008, с. 139, 141, рис. 42, 43].

Исследование кург. 1 могильника Ишкиновка III показало, что мы, по всей видимости, имеем дело с нетривиальным погребально-культовым комплексом. В его основе, вероятно, лежало погр. 4. Возможно, здесь был захоронен индивид зрелого возраста, кости которого найдены в заполнении могилы. Не исключено, что вторжение в могильную яму носило ритуальный характер, поскольку скелет был практически полностью изъят, а вместо него помещено каменное

антропоморфное изваяние. Лицевой стороной оно обращено на север при широтной ориентации могильной ямы. Примечательно, что так же ориентирована лицевая часть черепа в типичных для алакульской культуры захоронениях, в которых погребенный был уложен в скорченном положении на левом боку, головой в направлении западного сектора, подобно тому, как это зафиксировано в погр. 1. Такая трактовка представляется достаточно реалистичной с учетом расположения каменных плит неутилитарного назначения у подножия антропоморфного изваяния.

Нужно признать, что связь человеческих костей, обнаруженных в заполнении мог. 4, с гипотетическим первичным захоронением неочевидна. По профилям бровок прослежено лишь незначительное пологое понижение над основной могилой, что обычно является следствием проседания грунтовой надмогильной конструкции, обусловленного более рыхлой структурой заполнения ямы. При этом отсутствовали какие-либо следы впускной могилы. Отмечено только разрушение стенок могильной ямы в результате деятельности сурчиной колонии. Такое положение вещей может объясняться различными обстоятельствами. Культовые манипуляции (изъятие костных остатков) с погребенным в мог. 4 производились после ингумации, но до сооружения надмогильной конструкции. Тогда нужно предполагать длительный, достаточный для полного скелетирования, период пребывания тела в земле либо помещение в могилу экскарнированных (очищенных от мягких тканей) останков, например, после «выставления тела». Последнее предположение может объяснять и неполноту скелета, причем уместно отметить, что практика вторичных захоронений была распространена на западном фланге ареала алакульской культуры [Усманова, 1992; 2005, с. 20, 21, 89, рис. 11, 7, фото 11–13], в т.ч. в Уральско-Мугоджарском регионе [Ткачев, 1996, 2010б].

Второй вариант интерпретации предполагает отсутствие связи между переотложенными костями человека и обсуждаемым погребальным комплексом. Тогда наличие в заполнении могилы разрозненных единичных человеческих костей может быть обусловлено действиями землеройных животных. В таком случае перед нами кенотаф – символическое захоронение. При такой трактовке погр. 4 заманчивые перспективы относительно семантики обсуждаемого комплекса открывает его археологический контекст. С учетом предполагаемой производственной специализации алакульского населения, оставившего памятники в Ишкининском археологическом микрорайоне, весьма показательным представляется тот факт, что у подножия антропоморфного изваяния были аккуратно уложены две массивные каменные плиты-ступки. Судя по морфологическим особенностям, метрическим параметрам и характеру обработки рабочих

поверхностей, одна из них (см. рис. 3, 4), вероятно, могла использоваться для дробления медной руды в ходе осуществления сухого обогащения, а вторая (см. рис. 3, 5) – для растирания обогащенной руды при подготовке шихты к плавке. Оба предмета, видимо, носили votивный характер, поскольку не имеют следов эксплуатации, и были изготовлены специально для устройства погребально-культового комплекса. В таком случае, с учетом изложенных выше наблюдений, возникает вопрос, не является ли погр. 4 кенотафом архаического лидера, возглавлявшего производственную структуру ишкининских горняков, тело которого было утрачено, например, в результате несчастного случая с трагическими последствиями в ходе горных работ? Конечно, вряд ли у нас когда-либо появятся основания для категоричных суждений на этот счет, но уместным представляется привести сведения академика П.С. Палласа, посетившего Оренбургский край в 1768–1769 гг. Описывая древний рудник «Сайгачий» в Приуралье, он указывал, что при расчистке штольни были обнаружены лепешки сплавленной меди и «много крупных, из белой глины сделанных, горшков, в которых медь плавил, да и костей засыпанных землею работников» [Паллас, 1773, с. 369]. Возможно, в некоторых случаях извлечение погибших горняков из рухнувших забоев древних рудников не осуществлялось по причине не только трудоемкости такой процедуры, но и табуирования некими идеологическими установками, с учетом особого, нередко сакрального статуса горно-металлургического производства в архаических обществах [Черных, 1976, с. 159; Бочкарев, 1995, с. 115]. В этом плане обращает на себя внимание набор инвентаря из погребения зрелой женщины (№ 1), впущенного в полу первоначального грунтового сооружения (см. рис. 2, 2–13; 3, 6–10). На первый взгляд, вещевой комплекс вполне соответствует стандартам жестко регламентированной системы погребальной обрядности алакульской культуры, с оговоркой, что богатый гарнитур украшений, включавший золотые орнаментированные подвески в полтора оборота, может отражать достаточно высокий социальный статус погребенной. Но один предмет явно выделяется из числа прочих. Это обломок каменной терочной плиты (см. рис. 2, 13; 3, 6). Особенности рабочей поверхности изделия, отличающейся шероховатостью, отсутствием заполированности, исключают его применение в качестве ступки, например, для растирания зерна, стеблей или красителей естественного происхождения. Массивность и морфологические характеристики плиты позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что она использовалась для дробления руды.

Наличие орудий, связанных с горно-металлургическим производством, в описанных захоронениях,

особенно в символическом погр. 4 с антропоморфным изваянием, дает основание отнести погребально-культурный комплекс в целом к числу экстраординарных. Такая интерпретация представляется адекватной, т.к. погребальный обряд алакульской культуры практически не учитывал профессиональную специализацию умерших, что типично для большинства культурных образований эпохи палеометалла в Восточной Европе [Бочкарев, 2010, с. 211]. Создается впечатление, что кург. 1 какое-то время функционировал в качестве святилища или какого-то другого культового объекта, а его сооружение происходило поэтапно. Он выделяется из числа других погребальных объектов особой монументальностью и сложностью структурных компонентов. В центральной части в верхних горизонтах насыпи обнаружены разнообразные каменные выкладки, многочисленные фрагменты битой алакульской керамики, возможно являвшиеся остатками тризн или других погребально-поминальных церемоний. Видимо, с начальным этапом сооружения кургана связаны неглубокие рвы, проявляющиеся в полах в виде пологих понижений, а также жертвоприношения животных, кости которых обнаружены на уровне погребенной почвы на периферии могильного выкида из основной мог. 4 (см. рис. 1, 1). Грунт для надмогильной конструкции был взят из верхних горизонтов окружающего первоначальную подкурганную площадку пространства. Поэтому в структуре насыпи преобладают серые гумусированные фракции. Некоторое количество желтого суглинки объясняется использованием в качестве строительного материала материковых включений из кольцевого рва. Заключительный этап функционирования кург. 1 связан с совершением впускных погребений (№ 1–3) уже после завершения его строительства. Не исключено, что захоронение в этом кургане женщины зрелого возраста и двух младенцев было продиктовано не только родственной связью с погребенным в основной мог. 4, но и ритуальными соображениями.

Благодаря комплексным исследованиям, проводившимся на протяжении ряда лет в Ишкининском археологическом микрорайоне, установлено, что с поздним бронзовым веком связана группа компактно расположенных синхронных памятников различного характера. По всей видимости, они представляли собой единый комплекс, функционировавший как локальный хозяйственно-культурный центр, сочетавший горно-металлургическое производство и отгонное скотоводство. Его основу составлял горно-металлургический комплекс, представленный группой древних медных карьеров на левобережье ручья Аулган (левый приток р. Сухая Губерля) и связанным с рудником поселением, занимавшим окаймленную с трех сторон горами площадку на противоположном, правом, берегу ручья. К этим памятникам тяготеет

серия местонахождений, которые можно расценивать как места регулярных посещений родственного населения. Еще одна компактная группа синхронных археологических объектов располагается в нескольких километрах выше по течению р. Сухая Губерля. Ее составляют три курганных могильника и серия местонахождений.

Обращает на себя внимание то, что в непосредственной близости от поселения, связанного с горными выработками на площади медного месторождения, отсутствует некрополь, в то время как в районе сосредоточения могильников нет стационарного поселения. Вероятно, это обусловлено особенностями сложившейся локальной хозяйственно-культурной системы. Могильники в таком случае могли выступать в качестве маркеров территории, контролируемой конкретной палеопопуляцией. Обсуждаемый погребально-культурный комплекс могильника Ишкиновка III в этом смысле весьма показателен. Любопытно, что жители пос. Ишкинино и сейчас отгоняют скот на пастбища, расположенные в районе курганных могильников бронзового века, причем участок дислокации Ишкиновки III является конечным пунктом перемещения стада.

Наличие мегалитического культа в среде алакульского населения все более отчетливо прослеживается на материалах Южного Зауралья [Полякова, 2004]. Присутствие менгиров вблизи алакульских (кожумбердынских) поселений и в структуре связанных с ними могильников отмечено Е.Е. Кузьминой в Восточном Оренбуржье в Еленовско-Ушкаттинском археологическом микрорайоне, приуроченном к одноименным медным рудникам, эксплуатация которых началась в бронзовом веке [1959, с. 22, 23]. В этой связи уместно отметить гранитный менгир высотой более 2 м, установленный в центре алакульского кургана с каменным кромлехом из вкопанных массивных плит на Еленовском могильнике, расположенном в непосредственной близости от одноименного рудника. Стела была обнаружена в переотложенном состоянии в ходе аварийно-спасательных раскопок объекта, проводившихся под моим руководством. Она покоилась в горизонтальном положении под насыпью кургана у края впускной могилы. Аналогичная ситуация была зафиксирована Э.Р. Усмановой на могильнике Лисаковский III (сооружение № 8Б) в Верхнем Притоболье. На других андроновских некрополях Лисаковской округи также отмечены случаи помещения в кенотафы каменных плиток вместо останков умерших, при этом камень, по мнению автора раскопок данных памятников, являлся заместителем покойного, создавая присутствие его образа и отражая один из вариантов культа предка [Усманова, 2007, с. 89, 90, рис. 5].

Таким образом, уникальность нахождения антропоморфного изваяния в центральной могильной яме

алакульского кург. 1 на могильнике Ишкиновка III позволяет рассматривать погребально-культовый комплекс в целом как своеобразный курган-святилище. Объект такого рода единственный на могильниках, являвшихся родовыми кладбищами родственных групп населения в пределах Ишкининского археологического микрорайона. Вероятно, это был важный культовый центр достаточно крупного объединения. Однако верификация предложенной гипотезы возможна лишь с расширением источниковой базы.

Список литературы

- Бочкарев В.С.** Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 114–123.
- Бочкарев В.С.** Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – С. 209–211.
- Дервянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Ламин В.В., Исаков Г., Абсадык Ж.** Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 100–103.
- Коробков В.Ф., Баймагамбетов Б.К., Сапожников П.К., Улукпанов К.Т.** Природные подземные кладовые Актобе: облицовочные, декоративно-облицовочные и строительные камни. – Актобе: [б.и.], 2010. – 371 с.
- Кузьмина Е.Е.** Отчет Еленовского отряда Оренбургской экспедиции 1959 г. // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1 № 1938. 84 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Калина, 1994. – 463 с.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.
- Онгар А., Нурпеисов Н., Киясбек Г., Логвин А., Жетписбай Н.** Археологические памятники микрорайона Толлеубулак-Егиндибулак (предварительные итоги работ) // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 10. – С. 187–204.
- Паллас П.С.** Путешествие по различным провинциям Российской империи. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. – Ч. 1. – 657 с.
- Полякова Е.Л.** Аллея менгиров в историческом парке музея-заповедника Аркаим и другие памятники мегалитического культа Южного Зауралья // Аркаим: По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск: Крокус, 2004. – С. 191–200.
- Самашев З.** Некоторые замечания о проблемах петроглифоведения в Казахстане // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: мат-лы Междунар. науч. конф. – Актобе: ПринтА, 2006. – Ч. 1. – С. 31–36.
- Ткачев В.В.** К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ин-т, 1996. – С. 85–98.
- Ткачев В.В.** Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 182–198.
- Ткачев В.В.** Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. – 2009. – Вып. 38, № 41 (179). – С. 5–7.
- Ткачев В.В.** Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010а. – Т. 12, № 2. – С. 268–271.
- Ткачев В.В.** Вторичные захоронения из алакульских памятников в южных отрогах Уральских гор // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010б. – Т. 12, № 6. – С. 258–264.
- Усманова Э.Р.** Обряд вторичного погребения в андроновском ритуале (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. – Петропавловск: [б.и.], 1992. – С. 54–55.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск: [б.и.], 2005. – 232 с.
- Усманова Э.Р.** Культ камня в контексте погребальной ритуальности могильника эпохи бронзы Лисаковский // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда: [б.и.], 2007. – С. 85–92.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Материал поступил в редколлегию 02.02.11 г.